

Отзыв официального оппонента
на диссертационное исследование иерея Волчкова Алексея Сергеевича,
представленное на соискание ученой степени кандидата теологии
по специальности 26.00.01 - «Теология»,
на тему
«Теологические аспекты критической герменевтики Жака Деррида и ее
роль в библейских исследованиях».

Кандидатская диссертация Алексея Сергеевича Волчкова ставит интересный вопрос: можно ли применять герменевтический метод, разработанный Жаком Деррида, к интерпретации библейского текста, и если да, то каковы будут плюсы и минусы такого подхода. Проблематизация старых способов истолкования текстов и разработка новых герменевтических подходов является одной из **центральных задач философской герменевтики**; чтение и понимание Библии является тем пробным камнем, на котором следует испытывать любой новый герменевтический метод. Действительно, герменевтика как отдельная философская дисциплина исторически возникает из нужд богословия, а именно из необходимости *истолковывать* корпус библейских текстов, научиться извлекать из исторических повествований или темных пророчеств некий *внутренний* смысл, который не сводится к *внешнему* смыслу отдельных слов и предложений. При интерпретации текста всегда используется определенный герменевтический *метод*. Под методом следует понимать не просто набор приемов, методик, технических уловок, правил, которые позволяют производить новые «правильные» или «позволительные» интерпретации (как, например, знаменитые тринадцать герменевтических правил рабби Ишмаэля); в философии герменевтический метод понимается шире – как определенный «угол атаки», как общая

установка, определяющая отношение между «текстом» вообще и его «смыслом» вообще. Именно в этом, более широком смысле, можно осторожно применить слово «метод» к тому способу, которым Деррида различает тексты; только в этом смысле «деконструкцию» можно – весьма условно – назвать герменевтическим методом.

Философская герменевтика - в отличие от “прикладной” библейской герменевтики - не ставит себе задачу выработки новых правил интерпретации текстов. Она видит свою задачу шире. Прорыв, осуществленный Ницше, Хайдеггером и Гадамером, заключался в обнаружении *временного и исторического* характера самого человеческого бытия, самой человеческой фактичности. Всякое отношение человека к миру и к самому себе - сам горизонт человеческого бытия - носит интерпретативный и глубоко прагматический характер. Именно поэтому современная герменевтика (и дерридеанская “деконструкция” в частности) претендует на статус *prima philosophia*, на статус науки, обосновывающий возможность философии вообще и гуманитарного знания вообще. Мы прочитываем мир и текст - в том числе библейский текст - исходя из своего исторического контекста; представление об заключенной в тексте универсальной вневременной истине, свободной от любой интерпретативной стратегии - это самообман или философская наивность. В то же время герменевтический подход вообще (и дерридеанская стратегия в частности) не означают перехода к тотальному релятивизму. Он состоит, скорее, в своеобразной аскетической постановке себя самого и своей интерпретативной стратегии под вопрос, в обнаружении своей интерпретативной стратегии *qua* интерпретативной стратегии, в “приостановке” естественного для меня непосредственного смысла и

обнаружения его как грани иного, более богатого и комплексного смысла мира и текста.

Особое значение в этом контексте имеют работы Деррида, хотя в строгом смысле слова он не является представителем философской герменевтики как вполне определенной философской школы. Автор диссертационного исследования видит в нем в первую очередь “постмодерниста”, сближая его с Бартом и Кристевой, а не с Гуссерлем или Хайдеггером, хотя, во-первых, диссертация Деррида и первые его работы были выполнены в контексте феноменологической философии, исторически родственной философской герменевтике, и, во-вторых, автор рассматривает Деррида именно как создателя определенного герменевтического подхода к интерпретации текстов (или же архи-текста). Вообще, методологические установки диссертации содержат в себе определенное противоречие. Какую именно интерпретативную стратегию выбирает автор диссертации, когда он проводит “историко-философский анализ идейного наследия Ж.Деррида” (С. 8) и его последователей? С одной стороны возникает впечатление, что автор диссертационного исследования в значительной степени согласен с основными положениями философской герменевтики вообще и многими тезисами деконструкции в частности, с другой стороны, в заключении диссертации он критикует Деррида и его последователей за неспособность создать “альтернативную систему мировоззрения”, свободную от недостатков мировоззрения эпохи модерна (С. 195-196). Однако разве не является критика *всякого* “позитивного мировоззрения” (С. 195-196) основой как феноменологической герменевтики в целом, так и - особенно - философии Деррида? Таким образом мы видим, что в итоге автор все же расходится с Деррида в самом

важном для концепции Деррида пункте; к сожалению, этот момент в диссертации остался неотрефлексированным.

Главный вопрос диссертации носит практический, а не теоретический характер: могут ли идеи Деррида быть проинтерпретированы в *позитивном* для богословия ключе, и если могут, то какие именно и как именно? Именно этот вопрос и задает собственную герменевтическую стратегию диссертанта при чтении столь сложного автора, как Деррида. Диссертация состоит из трех глав. **Первая глава** формально посвящена рецепции идей Деррида в западной богословии и библеистике, однако львиную ее часть составляет систематическое изложение основных понятий философии Деррида. Сразу следует отметить, что такое изложение не может не быть противоречивым (в чем автор вполне отдает себе отчет) и - в силу недостаточного объема - оказывается достаточно реферативным. Автор касается целого ряда ключевых для мысли Деррида моментов, однако каждому из них уделено сравнительно мало внимания. Параграф 1.1 *Что общего у Парижа и Иерусалима? Христианство в эпоху постмодерна* вводит читателя в общую проблематику постмодернизма применительно к богословской тематике. Основным вопросом является следующий: “как возвещать авторитетное Слово в условиях краха общей герменевтики?” (С. 34). Ситуация постмодерна описывается диссертантом по-лиотаровски: как крах “больших нарративов”, важнейшим из которых является традиционный религиозный нарратив, родившийся в совершенно другую историческую эпоху. Именно постмодерн, согласно автору диссертационного исследования, ответственен за ту критическую ситуацию, которую теология переживает сегодня. Есть два способа ответить на тот вызов, который постмодерн бросает христианскому

богословию: отбросить новые способы мыслить как противоречащие основной вести христианства или же, напротив, увидеть в них новые возможности, обогащающие религиозное сознание. Автор выбирает вторую стратегию: отвергнуть только то, что не получается присвоить, обратив себе на пользу. Параграф 1.2 содержит описание основных понятий деконструкции. Соискатель сразу выделяет следующие элементы подхода Деррида: антисистематичность и антиметодичность, противоречивость, процессуальность, децентрализованность, антиметафизичность. Деконструктивистская интерпретация текста не зачеркивает старые смыслы, а “перечеркивает” их, позволяя их использовать, но при этом по-гегельянски “снимая”, “смещая” (или, как говорит сам Деррида, одновременно “смягчая” и “подчеркивая”) их смысл (эту стратегию А.С. Волчков позже характеризует как “философское плутовство”, С. 192). Основной чертой деконструктивистского подхода является, с точки зрения автора диссертационного исследования, обнаружение бинарных оппозиций, лежащих в основе текста, и выявление присущей каждому тексту полифоничности и диалогичности. Деконструкция, подчеркивает он, была подхвачена американскими теоретиками литературы и стала - вопреки присущему ей антиметодизму - рассматриваться как метод, позволяющий обогатить интерпретацию текста при т.н. “медленном чтении”. Следующий параграф, *Деконструкция и богословие: возможность (взаимо)влияния*, представляет собой обзор мнений о теоретической возможности использования элементов деконструкции в библейской герменевтике, а следующий параграф содержит обзор практических реализаций применения деконструкции к чтению священных текстов. В конце главы автор резюмирует основные черты таких интерпретаций: отказ от генетического подхода, отсутствие

интереса к авторству прототекстов, холизм, вовлеченность исследователя в дискурс.

Вторая глава диссертации *Текст, интерпретация, автор* посвящена тем продуктивным интерпретациям, которые может дать постструктуралистский подход в целом. Если в первой главе Деррида выступал как “постмодернист”, то есть как критик “модерна” (отождествляемого с идеологией Просвещения), то во второй главе диссертационного исследования Деррида оказывается представителем не столько “постмодернизма”, сколько постструктурализма. Этот переход никак не обоснован - в диссертации нет ни слова про генезис мысли самого Деррида и его сложные отношения с феноменологией, структурализмом, постструктурализмом и другими течениями французской мысли; в итоге в диссертации здесь и там присутствует определенная историко-философская неряшливость, которую следует отнести к недостаткам диссертации. В целом же вторую главу диссертационного исследования следует признать достаточно удачной. В параграфе 2.1 автор показывает плодотворность интерпретаций, подчеркивающих внутреннюю противоречивость библейского текста. В противоречиях, которые благочестивый читатель предыдущих эпох пытался “гармонизировать” (С. 74), которые представитель исторической реконструкции прочитывал как наслоение различных редакций текста, наш современник увидит многоголосие, позволяющее вывести на свет “скрытые, подавленные” смыслы текста. Более того, такой подход позволяет увидеть саму традицию иначе. *Текстуальность традиции* - так называется подпараграф 2.1.1, посвященный истолкованию христианской традиции как в первую очередь корпуса текстов, полемизирующих друг с другом. Идея открытого корпуса текстов - корпуса, который, с одной стороны, воспринимается как

канонический, а с другой - постоянно растет за счет маргиналий, комментариев и проч., применяется автором и к Священному Писанию. В следующем параграфе соискатель выявляет заключенный в этой идее освобождающий потенциал. Если эпоха модерна искала “окончательный” и “исходный” текст Писания, прототекст, то эпоха постмодерна показывает, что “настоящим текстом” Библии является не искусственная реконструкция, а живой корпус Писания, вырастающий из Предания, из жизни той религиозной общины, в рамках которой этот текст читается, растет и живет. Восходящая к Ю. Кристевой теория “интертекстуальности” позволяет увидеть в библейском повествовании не иерархичность, а *ризоматичность* смыслов (С. 89). Автор снова и снова подчеркивает, что в постмодернистской парадигме экзегет оказывается свободен от диктата библейских реконструкций; это постоянный рефрен диссертации. В подпараграфе 2.1.4 разбирается постмодернистская критика “канона”, и снова А.С. Волчков подчеркивает, что герменевтический подход, четко разграничивающий тексты на сакральные и профанные, не соответствует тому, как на деле растет и живет религиозная традиция (С. 91). Параграф 2.2 посвящен *интерпретации* - внутренней, так и внешней. Особый интерес у автора вызывает дерридеанская критика читателя как главного производителя смыслов интерпретации, как внешней по отношению к тексту инстанции. Читатель становится “свидетелем” текста и “обнаруживает свою собственную текстуальную природу”, свою ангажированность и историчность; в этом тезисе А.С. Волчков снова видит шанс избавиться от мнимой “объективности” просвещенческого подхода к чтению Библии; в то же время несомненная ангажированность христианского прочтения Библии остается неотрефлексированной. В подпараграфе 2.2.4 мы встречаем оригинальную попытку сблизить

деконструктивистский подход к чтению текста и аллегорические толкования. А.С. Волчков подчеркивает аскетический потенциал деконструкции как герменевтической практики: читатель обязан перестать воображать себя хозяином или потребителем текста, “генералом”; реконструкция “помогает [читателю] занять позицию большего смирения” перед текстом, который оказывается важнее его самого (С. 118). В то же время отказ от любых властных или авторитетных интерпретаций, постулируемый деконструкцией, кажется соискателю степени кандидата богословия несколько чрезмерным: именно властные институты способствовали сохранению текста и его семантического богатства; настоящая “герменевтическая авторитарность” была связана с “противостоящими Церкви религиозными движениями” (С. 125). Хотелось бы, чтобы диссертант пояснил этот вывод. Стремление наделить деконструкцию традиционной для герменевтики ролью отделения “правильных” интерпретаций от “неправильных” заметно и в параграфе 2.2.5.2 (*Слишком много интерпретаций*). Опираясь на авторитет Умберто Эко, диссертант настаивает на том, что должны существовать “пределы интерпретации”, определенная нормативность, которая позволила бы отделить продуктивное истолкования от “манипулирования” текстом (С. 127). Автор высказывает предположение, что такая нормативность присутствовала в практике деконструкции у самого Ж. Деррида, и списывает издержки на карикатурный образ деконструкции. В заключении главы автор ставит вопрос о том, как вера Церкви в существование трансцендентного тексту означаемого можно увязать с новой стратегией чтения, предлагаемой Деррида; этот - ключевой для исследования - вопрос остается открытым.

Третья глава диссертации, *Критическая герменевтика Жака Деррида и теологическая концепция Божественного Откровения*, посвящена интерпретации идей Ж.-Л. Мариона, Дж. П. Мануссакиса и У. Брюггеманна на богословие Откровения. Вопрос заключается в том, на каком языке допустимо говорить о Боге, не сводя Его к нашим представлениям о Нем? Подпараграф 3.1.2 посвящен критике онтотеологии в работах Ж.-Л. Мариона. Автор диссертационного исследования настаивает на том, что сама идея говорить о Боге на человеческом языке - проблематична, однако никакого другого - скажем, ангельского - языка у нас, у людей, нет. Сосредоточившись на исключительно на ранних работах Мариона, доступных российскому читателю, А.С. Волчков резюмирует его основные идеи о (концептуальном) идоле, иконическом дискурсе и дистанции. Как и при изложении идей Деррида в первой главе, ему не удается избежать реферативности, неизбежной для текста такого объема. В параграфе 3.1.3 диссертант знакомит читателя с идеями Дж. П. Мануссакиса и его феноменологической критикой метафизики. Вместо аналитического мышления Мануссакис предлагает отдаться стихии метафорического языка - языка гимнов, поэзии, музыки. Чрезмерный акцент на аффективной затронутости молящегося поэтикой гимна ведет, с точки зрения А.С. Волčkова, к недооценке логосного момента в литургическом наследии Церкви. Автор снова подчеркивает нормативный характер, который, с его точки зрения, должен быть свойственен “хорошей” герменевтике: она должна отличать аффективную затронутость “правильным” “насыщенным феноменом” от затронутости феноменом “неправильным” (заметим, что такая постановка вопроса показывает, что диссертант напрасно обошел своим вниманием более поздние работы Ж.-Л. Мариона, где проводится классификация “насыщенных феноменов”).

Анализируя труды У. Брюггеманна в следующем параграфе, автор диссертации показывает, что богословие “противоречивого Бога” может рассматриваться как богословие “переизбытка смысла”: Бог выступает как несоразмерный человеку, преизобильно подающий ему превосходящий его многомерный смысл (С. 181). В то же время А.С. Волчков сомневается, что такая противоречивая вещь может послужить основой для какой бы то ни было нормативности, регулирующей практику христианской жизни.

Диссертационное исследование иерея Алексея Сергеевича Волčkова – это интересный труд, который вводит в отечественный научный оборот новые подходы к герменевтике Священного Писания. В то же время эта работа не свободна и от ряда серьезных недостатков. Если главная цель работы - найти герменевтическую стратегию, которая освободила бы библейскую критику от наивности исторического метода, сводящего смысл текста к интенции его (первого) автора, то не вполне понятно, зачем ему для этого понадобился Деррида? Казалось бы, достаточно было бы обратиться к феноменологической герменевтике Рикёра, допускающей нормативность интерпретации? Как мне показалось, автор диссертационного исследования нигде не приводит использования в библейской критике типично дерридианских конструкций: выявления бинарных оппозиций, в частности, ключевой для Деррида бинарной оппозиции между сакральным и святым, машинальным и чудесным, экономикой расчета и экономикой дара. Возможно, это объясняется тем, что за кадром диссертационного исследования остались поздние работы Деррида - в частности, фундаментальная для данной темы статья “Вера и знание”, где он подробно излагает свою позицию относительно оппозиций религии/веры, мессианизма/мессианства и свидетельства/клятвы.

Кроме уже замечаний выше, я вынуждена отметить ряд досадных неточностей. Например, на с. 98 автор пишет, что “с точки зрения деконструкции каждый текст обладает таким свойством, как “непонятность””. Не только с точки зрения теории деконструкции, но и с точки зрения самой что ни на есть традиционной герменевтики! Если бы в любом тексте не было этой “непонятности”, если бы между *actus signatus* и *actus exercitus* не существовало бы непреодолимого зазора, то никакая интерпретация не была бы возможна! Следует отметить и дефекты структуры в построении самой диссертации. В частности, Ж.-Л. Марион и Дж.П. Мануссакис представлены в диссертации как “продолжатели” идей Деррида о деконструкции, хотя философия Мариона развивалась скорее в русле феноменологии, чем в русле литературной критики. Марион никогда не опирается на идеи Деррида о примате текста, на его герменевтику и проч.; для него Деррида - это в первую очередь неортодоксальный феноменолог, читатель Хайдеггера и Гуссерля. Выбранная автором историко-философская перспектива, при которой Деррида выступает исключительно как “постструктуралист”, делает связь между Марионом, Мануссакисом и Деррида особенно проблематичной. Кроме того, обширные обзоры вторичной литературы оказываются вставлены прямо в середину аргумента, в результате чего нить рассуждения иногда оказывается трудно восстановить. Текст во многом реферативен, автор не столько исследует тему, сколько читает на заданную тему проповедь. Тем не менее, высказанные замечания не снижают положительную оценку проделанной работы.

Результаты диссертации могут быть использованы при чтении курсов и разработке учебно-образовательных программ по герменевтике, библеистике, а также при дальнейших исследованиях темы. Автореферат и

публикации А.С. Волчкова отражают основные положения диссертационного исследования. Содержание диссертации и ее основные выводы соответствуют требованиям ВАК Минобрнауки, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата философских наук. В целом можно заключить, что кандидатская диссертация иерея Волчкова Алексея Сергеевича «Теологические аспекты критической герменевтики Жака Деррида и ее роль в библейских исследованиях», представляет собой результат самостоятельно выполненной и завершенной научной работы и полностью соответствует пункту 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата теологии по специальности 26.00.01 - «Теология».

Официальный оппонент
доктор философских наук,
Ведущий научный сотрудник
Центра Фундаментальной Социологии
Научно-исследовательского университета
“Высшая Школа Экономики”
105066 г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 1, каб. 516.
Тел. +7 (495) 771-32-42
ayampolskaya@hse.ru

Ямпольская

Ямпольская А.В.

16 августа 2015

Подпись заверяю

КАДРОВому
ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ

Г. В. БАТОВА

Батова